

Воловик Александр Иосифович

Родился в 1942 г. в г. Сорочинске Оренбургской обл. С 1944 г. живёт в Москве. Окончил мехмат МГУ по кафедре алгебры (1964). К.ф.-м.н. (1992).

Первые стихи написал в 1949 г. Публикуется с 1987 г.

Член Союза литераторов РФ (1992)
и Союза писателей Москвы (2001).

Стихи публиковались в сборниках «Граждане ночи», «Музыка стиха», «Время Ч: Стихи о Чечне и не только», «Облако», «Музыка в переплёте», «Поцелуй Эрато», в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Крещатик», «Футурум арт», «Фонтан» (Одесса), «Магазин», «Огонёк», «Крокодил», «Алеф», «Чайка» (США), «Ренессанс» (Киев), «Zlata greda» (Новисад, Сербия; в переводе на сербский язык), в альманахах «Поэзия», «Юрьев день», «Предлог», «На любителя» (США), «Провинция» (Запорожье), в газетах «Гуманитарный фонд», «МОЛ» «ЛГ», «Литературная Россия».

Автор книг стихов: «Сам себе автор» (1996)
и «Договоримся о воздухе» (2006).

Настоящая книга - третья. В неё входят стихи, написанные, в основном, после 2005 года.

Большую часть содержимого всех трёх книг, а также другие стихи А.Воловика можно читать в Интернете, например, на сайтах «Стихи.ру»: <https://stihi.ru/avtor/volovik>
«Поэзия.ру»: <http://poezia.ru/user.php?uname=Volovik>.

Связь с автором: a-volovik@yandex.ru

32 ПОЛОСЫ

Ознакомительная литературно-художественная книжная серия

СПЕЦИАЛЬНАЯ СЕРИЯ

Контаминация

литер

Александр
ВОЛОВИК

«НЮАНС»

Таганрог

2010

Александр Воловик в стихах пытается быть разнообразным. Особенно важной для него является звуковая ипостась стихотворения. Некоторые произведения Воловика, являясь, в сущности, скороговорками, дают примеры самозабвенной, вплоть до потери смысла, игры со звуко сочетаниями, сближающие эти стихи с музыкальными экзерсисами. Он проводит также эксперименты и с графикой: акrostих, фигурное расположение строк. Воловик пишет, в основном, в рифму, которую пытается сделать поизысканней, и опровергнуть расхожее мнение о кризисе рифмованной поэзии. Это часто придаёт его произведениям комический оттенок. Недалом большей частью он публикуется в юмористических журналах. Вместе с тем, в творчестве Воловика имеет место чёткая индивидуалистическая и космополитическая гражданская позиция и «левый» формалистический подход к искусству, не отменяющие, однако, глубоко прочувствованной лирической составляющей его поэзии.

В настоящем издании изменён формат книжки и добавлено Содержание, поэтому число страниц в ней превышает 32.

ДЕЛА

угрожал ножом нанёс побои // след зафиксирован справкой врача // врезалась в пень пострадали двое // вывихнула ключицу плеча // окопался с бабой в проданном доме // дверь на замке телефон отключён // отлучился на год в пустыню гоби // она уже с ветеринарным врачом // ворвался в комнату ругался матом // махал кулаками дразнил собак // соседа-ветерана обозвал «приматом» // научила ребёнка «папа дурак» // заявился пьяный крушил посуду // пианино деку разбил топором // не спускает воду гадит повсюду // жилая квартира беспредел погром // ехала на красный вырвали мобилу // потерял расписку чемодан вокзал // отобрал бумажник прямо у могилы // справка об отцовстве нанёс угрожал

* * *

Забудь каток и колесо, историю и шар.
Забудь наивное — когда ты верил: что-то есть.
Недоказуемое Всё, неведомым шурша,
всё тает-тает... И еда — единственная вещь.
Увы, законы (дважды два) и практика (курьёз!)
равно сомнительны. Одна метафора права,
Она с капелью ржавых крыш сольёт дождейки слёз,
к вулкану приравняет прыщ и к музыке слова.
Метафора родит лиризм, она включает свет.
И в этом свете (только в нём!) является предмет.
Всё — виртуально: водоём, премьера, интернет...
Так называемая жизнь необъяснима. Нет.

ПАУК И МУХА

Человек-Паук укусил Человека-Муху
Человеку-Мухе лететь бы куда фасетки
Но он был аскет и сознательно шёл на муку
И нарочно запутался в цепкой паучьей сетке
Человек-Паук питательно впрыснул в кожу
Человека-Мухи сок чтоб толстела мякоть
Обезболил добавил к соку стакан наркозу
Округлил как нолик до самых дотошных знаков
Окормил как батя по-полной и ждал надеясь
На наружный процесс верней на его ферменты
Человек-Муха вспотел переполнен через
И впервые подумал что сладкие экскременты
Для него возможно потеряны безвозвратно
Равно как и самки сладкое же жужжанье
И телесно выпитый залпом от жажды жадно
Он душой улетал на новых крылышках ватных

ЭТЮД

Она издавала панический крик,
который был слышен издалека.
Она издала несколько книг
общим тиражом, неизвестным пока.
Она веселила скоромных мужчин,
я даже сказал бы — трэфных хрякóв,
и дюжину кофеев «каппучин»
без закуси нá-спор смела с лотков.
Когда же поплыли наперекосяк
любимые — город — газон — кровать,
она говорила одно: пустяк,
и продолжала пиры пировать.
Но вот, как в частности, так и вообще,
затмила светило чужая тень.
В дверях засветилась заглавная «Ч».
Плеер облезлый обрезал трель.
Летучие крылья сложил вампир,
и бухнул колокол — ни о ком...
Пойми теперь, кто — бормотал, вопил,
и кто — выпрыгивал из окон!
А там, где вибрировал хронотрон,
перелопачивая быльё —
свалка разобранных хромосом
для вос-произ-веденья её.

СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ

Военнослужащего полюбила змея.
Она ночами приходила к нему пешком.
А военнослужащий был такой же, как я.
Только я с их уставами поменьше знаком.
Он был, видимо, храбр: от армии не косил.
И дедовщину с пониманием принимал.
И то сказать, тронь его какой-либо дебил —
до койки до собственной вряд ли бы дохромал.
Вонзился в дебила бы жала злой язычок,
дебилу бы плохо было, он даже бы сдох.
А военнослужащий получил бы зачёт,
боевой отличник и кавалер орденов.
Он потом, наверное, генералом бы стал,
потому что сызмала жезл железный носил,
потому что верен был лишь змеиным устам
и от армии потому что не откосил.
А я перевожу, запаса старый старлей,
в черновики лес, чтобы пнями прорастал в них.
Не взрывал, не орал: «Огонь!» И сам себе змей.
И даже курсор от меня уполз, изменив.

ПАРАД ПЛАНЕТ

Всё, вроде, кончено. Заделов больше нет.
Подобраны все рифмы (на помойке:
там — сор. Тот, из которого — стихи).
Окончен труд. Теперь я жду награды.
А через полчаса — Парад Планет.
Венера с Марсом с вечера по стойке
равнялись «Смирно!» (а она: «Хи-хи!
Не щекотись! А то уйду с парада!..»)
Но Марс её в заложницы позвал
и — заложил: за воротник и галстук,
так что пришёл в волнение и экстаз
повеса, фат и донжуан Меркурий,
который, хоть и не любил овал,
но тут (в экс-тазе) рвался и метался,
и в этот таз слезами пролилась
гроза начала мая.

— Кто дежурный?

Убрать! — раздался страшный голос вдруг, —
парад и это вóт — не совместимы!

Немедля прекратить! Из ряда — вонь!..

— Кто это, — я спросил, — Юпитер что ли?..

Ответа нет. Безмолвие вокруг.

Подумал: значит, вот, о чём грустили
со школьных лет обжившие амвон —
о Вечности... И снова всё, как в школе:
глагола первый ощутив ожог,
рифм штук по сорок заносить по будням
в блокнот, и, тужась созидать сонет,
их рассыпать частично по дороге...

Парад, меж тем, уже произошёл.

Махал Сатурн своим цыганским бубном,
пока Юпитер, маршал среди планет,
скакал пред них на белом Козероге.

* * *

С.Л. и Н.Б.

Сегодня Коля был без Светы.
Она ушла к кому-то в гости.
Их в эти гости приглашали
когда-то вместе, но увы —
однажды Коля два бокала,
разбил, нечаянно, конечно,
с ужасным грохотом и звоном
в тех самых, чопорных гостях.
Теперь те чопорные гости,
верней, хозяйева, наверно,
имея недочёт бокалов,
уж Колю в гости не зовут.
И вот, приходится сегодня
ему вести какой-то вечер
литературный, где стаканы
выбрасываются вообще...

* * *

Как времена летят? — Как птицы.
Сперва вперёд — потом назад.
Что́ было — то и воротится,
как пить дать. А не дать — не взять.
Чума истории возвратна.
Грядут прошедшие года.
Где было солнце — только пятна.
Поставил пробу б, но — куда!..
Как в триллере, паля навскидку,
набив палёным толом лиф,
воздушный храм судьба-шахидка
развеет, по ветру пустив.
Чтоб в облаках, как в одеялах,
как будто привиденья, мнясь.
остатки прежних идеалов
с кем пóпадя вступали в связь.
Пора — зубрить по-новой коды
Эзопа: чтоб не замели...
Ведь даровали нам Свободу.
А мы — воспользовались ли?

* * *

Так. XXI столетье.
А в прошлом веке (где он ныне!)
я жил, как все: ел щи на третье,
негласно вопиял в пустыне...
Дробясь в нутре зеркала мутном,
с утра бухую скалил морду.
Натужась, втискивался буквой
в ячейку тесного чайнворда.
Пока самцы шукали веру,
блудя посты, как постовые,
искал я пару, как химеру,
был погружён в стиха стихию.
Пока бананы ямба ел я
и отливал в часы отлива,
она, как ящерка, глядела
зелёным глазом похотливо.
Я выходил в инет без ника —
таким Гаруном (аль — Рашидом)
и тусовался там безлико,
перепоясанным шахидом
спеша в толкучку масс народных,
дрожущих в трепетах лобзаний,
как исполнитель на скейтбордах,
елозил злачными задами.
Под едкий запах перегару —
в метро, в его тягучих штольнях —
как шелкопряд, искал я пару,
а получал её — как школьник.
И вечным двоечником, воя,
вкусив субботней трёпки предка,
не забывал: теперь нас двое —
я и проклятая отметка.
Хоть был я видный, вроде, парень,

внедриться мог в любую щёлку,
Но лучше бы я был непарен
и на-гора давал бы шёлку...
Я не хочу служить в балете,
мамоне, богу и отчизне!
Вернись, XX столетье,
и снова молодостью брызни!

ОКТЯБРИ

Хрущёв и Лермонтов. Октябрь. Допустим, иды.
Решенье Пленума. Рожденья торжество.
Где — лысина?.. Бровей орлы приятны с виду.
Гусар в подгузнике. Стихи манят его.
Ужель в последний раз ласкаешь ты кормило!
Отпустишь — и один. И будто овдовел...
А тот у бабушки, задумчивый и милый.
Сопит и чмокает. А впереди — дуэль.
Не вовремя Покров: всё солнце вылезает.
Захлопнуть бы тетрадь подальше от греха.
Синеют *огурци*. По полю скачет *заец*.
Октябрь уж наступил. Уж роща отряха

КАЛЕНДАРЬ

Я в газете прочёл, что на нас термидор наступает!
Здоровенный такой термидорище, гад окаянный.
В треуголке кустарной заносит за ворот обшлага
длань сухую и зыркает оком, сугубо орлиным.
Ведь не мельницы мяли
цырюльный прикид Дон-Кихота —
с телебашен
развёрнутым строем

бетонные волны.

А теперь тишина, темнота. Только шмыг подковёрный.
Кто ж кого победил в этом не-Бородинском сраженье?..
Мерный атом не зря торопил по орбитам мезоны,
и солдатские жёны в запретные зоны стремились.
Олигархи не даром мусолили длинные баксы
перечислить конкретно лимоны на чай персоналу.
Как аналог Пилата, я чистые мылю ладони.
Наше дело следить за печальным исходом кампании —
как заря или что развернётся из искры кромешной.
Поднимите мне брови. Какое сегодня брюмера?

КОНДОПОГА

Широка и обширна родная страна.
Много в ней всевозможных хреновин.
Но с порядком у нас, как обычно, хана.
Да и климат довольно неровен.
Знаменитые мóлодцы, богатыри,
древнерусским пропитаны духом,
всех крушили на раз. Ну, на два или три
и мерещились вещим старухам.
Пролетели века. Потеплело слегка.
Нету эллинов. Нету варягов.
Нас крутило спиралью. Теперь — вертикаль:
на-попа. Это — новый порядок.
А по курьим избушкам ягое бабьё,
аппетитные самки кощев,
плотоядно хохочет, считая бабло,
новорусские пасти ощерив...
И пока медвежонки, косая нога,
обустраивались по берлогам,
прогремела тишайшая Кóндопога
редким сюрдактилическим слогом.
Ведь в чухонских потёмках не видно ни зги,
и — чтоб с этою тьмою бороться —
заплясали весёленькие огоньки,
затрещали хребты инородцев.
Жги, ребята, круши — наступила пора.
Нам свобода — не то, что как прежде.
Не бойсь, мужики, ведь за нас мусора.
И Москва, если что, нас поддержит.
Отпирай этажи, щас начнём грабежи
и вопросы решим кардинально.
Встань, фашист-патриот, своё слово скажи.
Поднимайся, Воронеж и Нарва!..
Поднимайся, Саратов и Питер — вставай!

Грянь, загорский отряд камерадов!
Бологое — Зиг хайль! Доннерветтер, Тамань!
Руссиш дух — это Руссиш поръ-ядок.
Пусть горит всё дотла, помоги, сатана,
Исполать — топорам да пожарам!..
От России останется кучка говна
и урок иностранным державам.

ВЕК МНОГОЯК

Век многояк: то трепет недр, то цокот монет.
То нет Материи как нет, то Времени нет.
Но он проедет перегон и ляжет в аннал.
Его не сгубит самогон-тротил-аммонал.
И, руша фабулы скелет, событий мня воск,
сечёт-сечёт его (сто лет не просечёт!) — мозг.
Оцифровал за годом год — и что, что их сто! —
компьютерный бесстыжий код, и врёт, и врёт — что:
превышен уровень того, принижен — сего,
и где резвилось божество — гниёт вещество.
Ещё вчера зияла щель — сегодня: бугор.
И не злодействует Кощей, смещённый Ягой.
Деревенеет капитал, чтоб ткань стала — сталь.
Где голос пел и обещал — сегодня: «Отстань!»
Вот пожелтел газетный лист, не жжётся глагол,
Ваяет монументалист мемориал — в стол.
И всё напористее тьма, безжизненной свет.
Нет памяти и нет ума. И времени нет.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

(диалог известно, с кем)

- Национальность это язык, обряд и вера отцов.
- Национальность это ярлык, чей смысл иссяк и отсох.
- Национальность — гордость и честь, светлого дня канун!
- Национальность — способ уесть, вписанный в 5-й пункт.
- Национальность это призыв, Родина, почва, род.
- Национальность — окрик и зык: «Не наш? — От ворот поворот!»
- Национальность это стезя, избранность, вера, дух.
- Национальность это «Нельзя!», гетто, красный петух.
- Национальность — родная кровь, все скреплены как один.
- Национальность — насилье, кровь, вспоротый пух перин.
- Национальность это уклад радостей и скорбей.
- Национальность это приклад — в череп: «Громи!», «Убей!»
- Национальность — исток, итог, труб горловая медь.
- Национальность это не то, что́ я хочу иметь.

ПЕРЕСМЕНОК ВРЕМЁН

Пересменок времён.
Пересмешник пока не на дыбе.
Эшафот, осквернён голубями
и кол не колюч.
Ещё вежливы власти —
послышалось даже «спасибо».
Но торопится мастер
закончить наручник — под ключ.
Надрывается дилер:
ища, привлекая, вербуя.
Добросовестный киллер
контрольно вскрывает висок.
А пока со стаканом
поэт проповедует бурю,
символический каменщик в белом
встаёт между строк.

* * *

Я вхож в один кружок
богемного, похоже, толка.
Где с серьёзными постмодернистами
и симпатичными концептуалист**Ками**
закусываю то постным пловом,
то острым словом,
то салом французским
постмодернистские перформансы,
концептуальные инсталляции.
Водку. Стихи.
Весёлый мат интеллигентский.
Никотиновый дым.
Шум. Палиндромы. Предметы искусства.
И смотримся мы, как пришельцы с Марса.
Я видел в книжке постсоветской фото.
Фас, профиль и глаза.
Горящие от ужаса глаза
безумного замученного Хармса.

ВЕРБАЛЬНОЕ БОЛЕРО

Вся жизнь — то семья, то школа,
то прачечная, то ЖЭК...
А как же тогда глаголы,
что якобы могут жечь?
А так: сходи в супермаркет,
товары повыбирай
и — крапай в тетрадь помарки,
нахрапом вломясь в трамвай.
Межвременное пространство,
Серпинское решето...
Зазором для трансa — транспорт,
когда понимаешь — что́:
помимо жратвы и блуда,
при скорой езде в метро,
есть ещё сладкое блюдо —
вербальное болеро.
Не веером бальным позван,
что беден и замени́м,
а неизлечимым гипнозом
влекомый — лечу за ним
Не оды и не романы
про доблесть или красу,
а главное — резонансом
звенеть в унисон колесу,
его перестук копируя
в строку́ текущего дня,
ведь ритм — император пира
и распорядитель огня,
поддерживаемый жаром
неведомой небесам,
практически данной даром
энергии колеса.

ШТУКИ

Стихотворение — не анекдот.
Не излияние и не глюк.
Не чувств половодье. Наоборот.
Это — УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК.
Дам пояснение, кто туповат
(в первую очередь для себя).
«ШТУКА» — то, что летает — над,
фабулу комкая и торопя.
ШТУКИ — первичны. Как Слово: То,
Сказанное (О чём?.. Кому??..)
— Ну, а про что они? — Ни про что.
— Свет-то прольют? — Ни в какую тьму.
Каждая — абсолютно чиста.
Как эталон. Или — ориентир.
Это — кристальная красота.
Она никогда не спасает мир.
ШТУКА за ШТУКОЙ свой звон, штрих —
вносят поштучно, и вот (вдруг!)
выкристаллизовывается — стих.
Т.е. УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК.

ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ

Думать: о почерке и о походке.
Не — о сюжете и цели пути.
Здравствуй, Стрелок, остроумный охотник!
Вспыхни. Бабахни. Внуши. Просвети.
Смерть тепловую влечёт, создавая,
взрыв, и на ВСЁ промежуток — пустяк!
Телом истлел? — Но души сетевая
версия теплится — нё в небесах.
Медный узор в эбонитовой тверди
вплавлен, как жук, в материнскую плоть
платы на сервере давнем. Бессмертье —
даром в Рунете даровано, хоть —
всё мирозданье на фокус похоже,
и на арене, как злой лицедей,
Вечность со свечкой дежурит у ложа
с ложью спасенья, со страхом судей...
Всё и кончается Словом. Играя
звуком и буквой на зле и добре,
тысячелетье какое — не знаю —
там кувыркается в вашем дворе.

КУНШТЮК

Из двух притяжений ты выбрал земное
Виктория Волченко

Дуди, оркестров медь. Мурлычьте, славы тигры.
Судачь о том, о сём, газеты скорбный лист.
Не выбравший — суметь, и не сумевший — выбрать,
восторжествуй, Осёл, ума максималист.

Под тяжестью в руках наполненных стаканов
я — самозванный зав исчёрканных бумаг —
прославлю ли в веках твой подвиг Буриданов,
герой, погибший за — плоды обоих благ!..

Летален был итог. Но не перемудрили
учители Начал (не помню их имён).
Тебя сгубил подвох коварной симметрии,
ведь насмерть ты стоял промежду двух копён.

Асфальты и цветы топчу тяжёлой пяткой,
и в горних высях след черчу пером крыла.
И в точности, как ты, я за *одной* охапкой
пренебрегу лететь, кусая удила.

Когда ж меня за фук возьмут вражда и злоба,
не выроню ничуть *Викторию* из рук.
Из притяжений двух я выбираю — оба.
Шагаю и лечу. И в этом весь кунштюк!

ЗАВИСТНИК

Я со всеми типа выпить-закусить,
ну, с листа прочесть в кругу стихок-другой.
Законнектился в компьютерную суть,
и как будто всем я кореш и друган.
И как будто я коллега по перу,
по Перу, по Атлантиде, по Мали.
Я же — трезвым завсегдатаем пиров
не тусуюсь — о сочувствии молю.
Мол, глядите, я же ваш кунак и брат!
Только верхних в голове модели сфер.
Я ж за вами — до длиннот и до Бермуд
или — в Чили-Магадан-Мадагаскар.
На подъёмные я лёгок, хоть сейчас —
семь небес пройду, и девять не вопрос.
Проявлю к вам от шести и больше чувств,
во френды́ или в доверие вотряться.
А до дела — там, в историю войти,
в космос, в Лету — я как скромный в стороне.
И укажут: ты вот тут, а там — вон те.
За забор непререкаемый — ни-ни!
Хорошо, я за оградой постою,
неуёмный и от зависти седой.
Мы совместно ещё (Лазаря) споём,
когда вы ко мне напроситесь сюда...

КУРТУАЗНОЕ

Голова моя вроде ладони:
волос выпал последний: ослаб.
Буду старый (сейчас молодой я) —
сочиню мемуары про баб.
Как *онъ* на менѣ были падки,
как я их — штук по восемь подряд...
А ведь были среди них сексопатки,
сексопилки и пара наяд.
Расскажу, как, шалун и проказник,
был я *hard*, а где надобно — *soft*¹.
И предстану таким куртуазным —
что там этот... забыл... Степанцов!..
С милой рай не в шалашике, хрен-то!
Он — везде, от дворцов до хрущоб...
Мне кричали: «Даёшь алименты!»
Мне шептали: «Ах, только б ещё б!..»
Мне важней, чем анапест да дактиль,
кое-что, чего нету у дам.
Тойсть мужской, извиняюсь, характер
ну и мелочи разные, там.

¹ *hard* — твёрдый, *soft* — мягкий (англ.)

ПЛАНКА

Углеглазая мгла за углами легла — 1962

...и земля обратится в холодный оплавленный шар.
Ну, не шар, эллипсоид. Геоид — не скажешь точнее!
И исчезнут следы человеческого шабаша.
И не жалко, казалось бы. Хрен бы, казалось бы, с нею.
Но когда-то чужою орбитой затянута в поле
влечения, тяги, короче сказать, притяженья,
вдруг, в руках корифеев, она возродит: Лимпопо,
Чили, Мадагаскар. И Москву — чуть заметною тенью.
Вечной славы ища, как лишенец утраченный хлеб,
сквозь известный кристалл я провижу из тёплого тыла,
как, пинцетом грядущим распято в предметном стекле,
затрепещет бациллой моё уникальное Было.
Паровозик затянет чугунную песню «чух-чух».
Чудо братьев Люмьер — cinématà — оживёт на экране.
Хронологию новую слепит космический дух
из событий, какие окажутся прочих сохранный.
Из какого-то сора появится буква... две...
слово... строчка... И вот, как паук из янтарного плена —
текст... Стишок? — Это ж мой!!!!..

(Вероятность — как если бы в дверь
постучалась с утра не молочница, а королева!).

Корифеи искали ещё, но, увы, не нашли
и спихнули с орбиты ненужную эту планету.
Значит, мне одному отвечать за поэтов Земли,
невысокую планку держать под космическим ветром.
Извините меня, менестрели, поэты и проч.,
Камасутра, Кручёных, Марк Твен, Лао Цзы, Калевала!..
Я нечаянно!.. Вы погружаетесь в вечную ночь.
А моя углеглазая мгла — гляньте! — классикой стала!
Так не будет? — А вдруг! Что ж, я хуже, чем кто-то иной
и за долгую жизнь ни словом и ни слогом не вышел?!..
— Вышел! Словом и слогом. И шанс этот — мой (нулевой)!
Планка в крепких руках. И всё выше она. И всё выше.

КОГДА-ТО...

Напротив памятника Пушкину
кафе-молочная. Я там
машу сосискою надкушенной —
как бы указываю ртам
режим и ритмику жевания:
альты — ням-ням, басы — хруп-хруп!..
Жуют студенточки жеманные,
потом лицо платочком трут.
Смели два марципана щёголи,
два капитана в галифе.
Клыки, кренясь, у бабки щёлкнули,
она немножко подшофе.
А за стеклом моя милиция
законно алчет шоферов.
Шуршит бульвар тверскими листьями.
Лицо луны вздымает бровь.
В углу качнулся и уснул-таки
алкаш, как твёрдый знак загнут.
В «России» в Малом зале мультки.
Начало через семь минут.

26 МАЯ 1966 ГОДА

Памяти Георгия Ница

В 66-м году, 42 назад,
ярким утречком лечу я в цветочный ряд.
Облечён доверием, праздновать я рад
бракосочетания радостный обряд.
Вот я роз букет везу (розы — расцвели!),
к жениху на Курскую, после — на Фили.
Майский воздух светится, сладок и упруг,
и впервые женится мой высокий друг.
Я и сам половозрел и слегка нахал,
девушку какую-то в лифте целовал.
Мáшину знакомую в лифте целовал...
В мае губы просятся к девичьим губам...
Протекло всего-то лишь 40 с малым лет.
Губы так же тянутся, а ответа — нет...
Да и брак разъехался (дважды) по частям.
Гера, Друг высокий мой, где теперь ты сам...

26.05.2008

СВОБОДА ТЕПЕРЬ

Брожу среди улиц. Имею
свободных часа полтора.
И рад, как похмельный Емеля
со сказочной щукой с утра.
Завязаны тучи узлами.
Дрожит на термометре нуль.
Свобода! Ведь это же знамя,
которому я присягнул!
Что ноль! Мне сегодня и минус
не сможет испортить досуг.
Вот жаль, телефоны сменились
за сорокалетье — подруг.
Но я пересилю досаду
и приступ тоски перебыю.
Но я на бульваре присяду
на редкую ныне скамью.
Всё так же, как прежде красивы
фигуры отзывчивых жён...
Бутылку прохладного пива
открою карманным ножом.
Опять оттеняет барокко
деревьев потухшая медь.
Я тут проторчу одиноко,
покамест не станет темнеть.
Вот в сумерках пара за парой
взлетят, обнимаясь, в зенит.
Старушки побрякают тарой.
Трамвай чем-то там прозвенит.
Потянет сырою прохладой.
Бабуси посуду сдадут.
И вот — притягательно сладок
домашнего дыма уют.

Пора возвращаться к покою.
Метро. Телевизор. Постель.
Так вот она, значит, какую
Свобода предстала теперь.

* * *

Тропинкой, похожей на прочие,
движенья напротив не против я
Но тут настаёт многоточие,
хлебало раскрыв многоротое.
Кривую срезает, уродуя,
и вот обращаюсь в валета я,
бессмыслицу многобородую
младым поколениям советуя.
Они наступают, орясины,
на пятки мои ахиллесовы.
Такая идёт катавасия,
хотя ещё всё-таки весело...

ЭСКАЛАТОР ВОСПОМИНАНИЙ

Время перемещается поступательно
и почему-то рябит поперёк.
Выдыхает мгновенья спрессованные
знаменательных и незнаменательных дат.
Ах, как — по этому эскалатору,
движущемуся вниз и вперёд —
я с удваивающейся скоростью
пробежал бы вверх и назад!
Текущие нулевые года, т.е. от нуля первого
по грядущий десятый, почти что не в счёт.
Они, правда, чем-то, и даже многим, похожи
на те, что давно прошли.
Как будто бы некто в бесцветном,
а может быть, просто чёрт,
Из особенной эзотерической вредности
перепутал девятки, тройки, нули.
Во всяком случае, я б оттолкнулся
Пятюю ошпóренной от современности и — айда
в смутные девяностые,
где грозные теперь олигархи ходили под стол,
где путчи коммунистические
сотрясали столичные города,
а свободному телевидению только ещё грозили
державным перстом.
Приостановился бы в памятные 80-е
и поглядел бы ещё, может быть, разок,
как в апрельском озоновом воздухе
6-я статья Конституции неуклонно катится под уклон.
С дебатирующими депутатами,
как серсо, покатал бы Пятое колесо.
Отоварил бы свеженькой водочкой
ежемесячный блёкловатых тонов талон.
Задержался бы, застоялся бы

ещё на 10-летие-полтора позади.
Кроссворды в душной курилке,
ЛТП (личный творческий план), стенгазета по вечерам.
Производственные чаепития, мемориальные пряники,
строго с портретов — вожди.
Все ещё живы и деятельны.
Дети лопочут и ползают — пи-пи да ням-ням.
А чуть выше — сангвиником-козликом я по лесам,
кинозалам и даже озёрам (не бодеясь!) скакал.
Ах, гулянки, экстаз молодой, поиск методом тыка,
вот-вот догоню, (о)познаю, короче — найду.
И неожиданный, после увенчанный, закономерный
и, как оказалось, довольно успешный финал.
То есть новая жизнь началась и, возникнув,
в момент отменила предыдущую как ерунду...
Ещё на ступеньку-другую, и вот:
год одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмой.
Май. Орлов над вокзалом и молнии над мостом
я вижу, как будто вчера...
Июнь. Полыхание запаха: липа. Не злой,
но всё-таки, кажется, зной.
Август-сентябрь. Жара. И отчётливо слышно
лязганье танков из-за бугра.
Но выше, выше! Туда, где доска
в интегральных красуется кружевах,
где среди лекции по диффурам приёмник,
чуть ли не детекторный — Гагарин! — вскричал.
Несанкционированный выплеск восторга,
манежные струи очищающих вахт...
Всё теперь — наше! Москва — космопорт,
спутников гордый причал.
И ещё: по склонам грядущего МКАДа
укладка квадратной травы.
Целина, где восходы, свинарник

и розовый тальник на нём.
И картофельные пыльные будни,
без годов и без дат, увы...
Это время, с которым сегодня я как бы на Вы,
а когда-то скакал и резвился
весёлым и глупым конём.
И на угли глядел у костра,
однозначно и монотонно угасающие к утру.
И думал: вот это запомню теперь навсегда
(и запомнил — вот!)
А наверное, это я (да и все мы)
в такую играли игру,
как бы двигали фишки: работа, урок, поход...
Я смотрел как на площади Красной —
ещё допионерские карамельки жуя —
из далёкого ряда, у ГУМа, а в душе ликовал и пел —
небольшой — но я знал, что Великий —
человек в шинели (это я Его вижу! Я!)
попирая могилу предшественника,
выколачивал смрадный из трубки пепел.
И уж вовсе времён в глубине я гляжу,
как, найдя под откосом тайник,
мы, дети, кидались боевыми гранатами
(и почему-то не взорвались).
А однажды с юга на север
(или с севера, может, на юг) — откуда он к нам проник? —
проплыл дирижабль краснозвёздный зелёный,
как огурец или длиннозёрный гигантский рис.
Внизу за глухим забором, но сверху мы видели всё,
жил бывший поверженный враг:
пленные хмурые немцы копошились,
и доблестно их сторожил наш геройский конвой.
Мы знали: покажь им красную тряпку,
на советский хоть отдалённо похожую стяг —

ух как бы они — Доннерветтер! —
зашлись бы, закашлялись в ругани злой!..
А бабуля на керосинке, не глядя — да и зачем! —
варила рисовый суп.
Толокняную кашу под цвет одеяла,
мешала в кастрюльке и грела среди одеял.
Дедушка с мамой трудились за свой небольшой
ещё дореформенный рупь.
И постоянно отсутствовал пропавший без вести папа,
которого я никогда не видал...
Что ж, эскалатор приехал, вот оно, начало времён.
По дороге в Москву
безликий мужчина в кепке надо мной,
на подушке узкой лежащим, глянул в окно:
«Подъезжаем к Казани» — сказал —
и с этою фразой я почему-то всегда живу...
Но ещё из времён было самое давнее,
скажем, времени — дно.
Стульчик высокий, кажется, серый,
но может, и голубой.
В кухне просторной сияет и блещет
медный начищенный кран.
Около двери соломенная копна —
она называется просо, стожок небольшой...
С дедушкой на траве... Печенья-коржи на соде...
Далее тишина, бессловесно гаснет экран.

РЕЧКА СХОДНЯ

Извивы стиха непредсказуемей тика.

Там буква мелькнёт, там — слог, а вот это — что там?..

Петлисты: река и уши преступного типа.

Он пентиум, типа, заносит над нашим счётом,
не гамбургским, правда. А по реке — барашки,
вроде, агнцы, а в перспективе — жаркое...

Электропоезд мчит через мост к «Трикотажке».

Солнце сменяет дождь... Непостоянство какое!

Сходня бурлит, завивает круги и петли.

Тут был когда-то лес и, должно быть, леший.

За наяд не скажу, не знаю, были ли, нет ли...

(Вот у меня таки б́ыли — вихры, враждебные плеши!)

Я уж не с кровью рифмую любовь, а всего лишь с болью.

Прячется кобальт неба в столовой гжели...

То, что когда-то звонко звалось любовью,

тихо влетает в синее, без движений...

Чаю ли выпить? Выплыть ли — на дорогу...

Вторит изгиб изгибу, как сказка — факту.

Ночь в стихах рефлектирует понемногу.

Звезда звезде посылает месседж но факсу...

Синее станет серым. Слетают листья...

Осень. Штампы аллюзий впишите сами.

Я уползаю в тёплое закулисье.

В собственную тарелку. В родные сани.

БЫТЬ ДОЛГОРУКИМ

*Ерунда! — сказал дьяк, —
Из вас должен быть всяк
в теле — А.К. Толстой*

Зомбированный Закулисой,
я замечаю всё, что скверно.
Мне всё — равно: солома, сено,
какашка, лампочка, грейпфрут...
Вот девушка: сидит орлицей
в преддверье метрополитена.
Как сфинктер, рот ея извергнул
непереваренный продукт.
Вот юноша под кайфом пива
(или — чего?..) угрюм, но весел,
ботинком вдребезги посуду
опорожнённую добил.
Вот пуп показывает дива,
как это водится повсюду,
сама в полутяжёлом весе,
а муж её — *вааще* дебил.
А там гадалка кажет бубну.
Её глаза черны, как сливы...
Вот старец с челюстью в стакане
бредёт неспешно босиком.
Вот члены Думы, остроумно
обозванные «думаками»
ещё при поза-том созыве,
при государе при другом...
Вот обновлённая столица
пронзает башенками небо.
А главной башней, той, что теле-,
слегка помахивает, злясь.
Кругом кошачьи, волчьи лица...
А каждый быть должён бы — в теле,
жить без волнения и гнева
и долгоруким быть. Как князь.

Я

Знай: это я!

Козьма Прутков

Я вовлечён в пространство бытия.
Я жизнь прошёл от края и до края.
Я переполнен собственными Я.
Я ль виноват, судьба ль моя такая?..
Я погребён под грудями тряпья.
Я зѣмы не люблю. Ах, мне бы мая!
Я ем еду. Мечтаю. Жду трамвая.
Я пиво пью вместо мумия.
Я стар теперь. А в детстве, словно зая,
Я был фанатом Дедушки МазаЯ.
Я весь погряз в гордыне, твёрдо зная:
Я был. Бываю. Есмь. Пребуду — Я!
Я поднимаю собственное знамя!
Я только не уверен: я ли — Я?..

* * *

*Быть может, всё в жизни лишь средство
для ярко-певучих стихов*

В. Брюсов

Ни вздоха, о друг мой, ни вздора,
какой ни получишь сигнал.
Пусть даже подарит Пандора
свой ящичек, чтобы — сыграл.
Сыграй. Например, в ре-миноре.
Народ зарыдает навзрыд...
Но помни: *temento*-то — *mori*!
Забудешь — а он не простит.
Ты будешь стремиться всё выше,
но вновь понедельник, и вот —
в подельники к чёрту запишут,
дадут от ворот поворот.
А дальше в какой-нибудь вторник
свершится судьбы произвол.
Тот, чьё бытие не бесспорно,
будильник на вторник завёл.
Так выкинь обиду из сердца,
пусть в нём только боль и любовь.
А жизнь — эксклюзивное средство
для ярко-певучих стихов.

МЫСЛИ ПЕРЕД СНОМ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Он думал: ведь, у меня всегда была
неплохая наследственность; мне,
может, осталось прожить целую жизнь —
Лермонтова, на худой конец, Галуа.
Неужели этот остаток, довольно большой,
будет всё темней и темней?
Неужели же так ничего и не сварит
ржавый мой котелок, лысая голова!
В ней же бессменной династией
издавна проживают цари.
Да и сам я, хоть, может, и червь, но бог,
сам себе и маяк, и маньяк...
Где ж ты, мой старенький добренький Фауст,
где вы, мои молодые *Мцыри*?..
Где, наконец, моя первая гамма, лемма,
первая теорема моя?..
Так размышлял он, то глаголом, то интегралом
размахивая, как шашкой на всём скаку,
к годам переменного возраста прибавлял
то семёрку, то тройку, а то пририсовывал нуль.
И пока он об этом мечтал и думал,
всё метался северный ветер
по пустому его чердаку,
и он позабыл, о чём же он думал,
что было, что, может быть, будет,
и постепенно незаметно уснул.

ЗВЕРУШКА-66

Он крадётся, кренясь, на нестёртых шестёрках кривых.
Краевые дефекты эффектны, как те фейерверки.
Он упруго привстал, он увидел, наверное, львих.
Ловок, хищен, незрим...

 Может быть, он блефует? — проверьте!
На грядущие ритмы надеясь, и веря, и ждя,
он в преддверии бури бравурную гриву развесил.
Даже ночью и в дождь сокрушителен жар куража.
Не желей. Не залей! Он поэт, он поэтому светел.
Шесть столетий, спустя рукава, просвистят, как пустяк.
Аксакал, с высоты своих всех, он оскалится: классик!..
И *шестёрки* расчищают тропинку, что стала — СТЕЗЯ,
здесь он пасся младенцем, под стулом, на лысом паласе.
Вот он точит резцы, ставит лапу, и всё впереди.
Он писать приспособится, писать притерпится в тазик..
— Что же делать, скажите?..

 — Попробуйте аперитив.
А потом попытайтесь сомлеть в эксклюзивном экстазе.

2008

ЧАЙНИК

Век живи. Научиться молчать на вопросы.
Бездыханность мобилы... — Могилы? — Ну да.
Розы — стихотвореньям, а прочее — в прозу.
Тáк прозаик распишет — *шарман* (лепота)!
В храм науки войду ли, в любви ли обитель,
бьюсь ли над теоремой (без толку — увы),
развлекаюсь ли контаминацией литер
или с френдами *чачусь* журналов живых —
всё едино: зависнет премудрый компьютер.
Дыба быта добьёт меня, пищи ища.
Ёкнет мышца и щёлкнет компостер кондуктор:
скок! — неловко головка от туловища...
Погляди, не бойсь, корифей, на Горгону,
не моргая, и гонор глумливый умерь...
Я дурацкий шансон волоку по вагону —
прочь от проводниковых драконовых мер.
Да, о розах! Я рос и не нюхивал чайных.
То же самое — чёрных. В бокалах *аи*.
Я — о *прочем*. Я, впрочем, в прозаиках чайник.
И в поэтах. И в жизни. Привет. Ваш А.И.

ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ

...от людей действия людям говорения — В. Герцик

I

Я человек полнолуния, комнатного безумия.
Не прозябаю втуне я, но тороплюсь в полёт.
Утро ли, ночь ли лунная — ну-ка, возьми в игру меня,
я поступлю, не думая — весь, как автопилот.
Я человек. Во льду ли я — всё, как в жерлё Везувия.
Тут не игра, в дыму моё — всё: и душа, и плоть
Действие — наказуемо. Рухнет — лови внизу его.
Крайний-то — я! — Ату его! Вот — бытия оплот.

Я человек неумения.
Я человек, потрясения.
Я человек увядания.
Я человек до свидания.

II

Я человек воскресения. Жизнь проскользнёт без трения,
но — за крупницу времени, сорок каких-то лет —
не тормозя мгновения, сдвинет, отжав сцепление,
фокус стихосложения времени драндулет!
Я человек говорения — тусклого, но горения.
Не для меня гниение: мне не пристало — тлеть.
Я — человек хотения. Я не во тьме, но в теме я.
Вам ли сдержать в узде меня, пряники, петля, плеть!

Я человек разумения.
Я человек вдохновения.
Я человек созидания.
Я — Человек-Мироздание!

* * *

Дорога прямая, и солнце блестит,
и звёзды горят на боку коньяка.
Чего не расслышу — пожалуйста: титр,
а не разгляжу — кто-нибудь да подска-
жёт...

Этот сюжет разрабатывать лень,
а хочется жечь, но глагол не из тех.
Я, дамы, пред вами не встал бы с колен,
когда б за плечом не мехмат да физтех...
Из тех, из которых ни выбрать, ни взять
ни ту, что подругой, ни ту, что сестрой,
я буду выискивать и вычислять;
чудесный напиток утроит настрой.
Нас трое, я в лицах различных един:
то царь или бог, то истец и брюнет.
Я то ниспровергнут, то непобедим.
Однако, не червь, потому что — Поэт!
Мне что́ по этапу — что́ по этажам,
Что́ влёт — что ползком, что́ запеть — что́ запить.
Неважно — позор или славу стяжать.
А важно — что звёзды, что Солнце блестит.

СКАЗКА

Слов в обрез. Мыслей тоже негусто, по правде сказать. Образ жизни похож на какой-нибудь *modus vivendi*. Я, как Ваня-дурак, шкандыбаю, плешив и пузат, в лубяную избушку к косматой взъерошенной ведьме. Уж не знаю, почует ли мой отвратительный дух и пихать меня в печь поспешит ли, подставив лопату. Я скажу ей: «Бабуля! Чего ты взъерошилась вдруг? прямо жар у тебя. Не слетать ли сейчас к аллопату?» И она расхохочется вдруг, словно фея, юна. И воскликнет весёлым девчоночьим басом: «По мётлам!» И уже мы летим! И вокруг расцветает весна! И орлы поднебесны роняют на спины помёт нам. В *vitū novū* летим, вроде Данта с Петраркой своей или как мастерок с разбитною своей маргариткой. Челюстями вставными напрасно не клацай, Кощей. Хрен догонишь нас: ты, иммортель, недостаточно пряткий. Я стал тоже иной — обольстителен, строен и юн. И в любом направленьи сумею обрушить удар свой. Кроме Волка, со мной рыжий Кот, между прочим, баюн. И считай, что моё уже всё Тридевятое Царство!

ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ

Взлетал я в зенит и планировал вниз,
но я не участвовал в войнах.
Играл бессеребрено в бисер на бис,
как бес у небес беспокойных.
Клевал наклонений калёную суть,
ничуть не склоняя колена.
И лысого флага болтался лоскут
тоскливо — то клёво, то влево.
Болтун многоякий, глумливый глагол,
как гугол², бездонен и гулок,
на руки, на крюки и просто на пол
не лóжил охальных охулок.
Напротив: матроны, мужья и зятя,
Светланы, Ларисы и Вали
в восторг приходили, в мосторг заходя,
и 5 мне любезно совали.
Шестой — обглодает последнюю кость,
и вот я — отныне и присно —
отправлен блюсти безответственный пост
в окрестности постмодернизма.
Я «А» произнёс и, того гляди, «Б»
появится где-нибудь с краю
Я — виден. Но главное: сам по себе.
Летаю. Ликую. Играю.

² гугол — самое большое число на свете.

*

Кумиру строю капище.
А как ещё мне быть!
Мне быт подносит кукиши —
чем скуку шевелить?
Велит моё кумирище
«Корми ещё да пой!..»
Поймите же, товарищи,
коварный он какой!

* * *

Я хочу повеситься
в начале мая-месяца
на твоём капроновом чулке.
В утреннем тумане я
убегу заранее
и приду в деревню налегке.
Там крестьянку грубую
поцелую в губы я,
а потом один уйду к реке,
чтобы там повеситься
на роге полумесяца
на твоём капроновом чулке.

* * *

Щель пещеры в шалом шелесте:
Листьев шепчущий уют...
Человеческие челюсти
Человечину жуют.
В час вечерний за пещерою
Хорошо хрустеть хрящом,
На потрескавшемся черепе
Примостившись нагишом.
Чтобы тени шевелящиеся,
Как щупальцы, ища,
Настигали настоящее,
шумом прошлого шурша...

* * *

Я везу, как в звон закован,
кузов звуков, воз законов.
Цель зимы — загнись и сникни,
Цельсий, царь индефинитный!
Цыц, цикавый циник ценза!
Сгиб мизинца: цуцик, целься!
Звука вкус целебный целый
муз совку сулит со сцены.
Но, как сцилла бесполезный
без сестрицы без железной,
он кривым нечётным стуком
к роковым влечёт поступкам.

* * *

Не то чтобы я раньше всё умел
но я — хотел. Но я имел идею.
Теперь мне быт с болезнями взамен.
Сегодня — ничего я не умею.
Раскатана не дура, но — губа
(а лучше б дура хоть наполовину!)
Игра — плоха.
А мина — хоть куда.
Пехота хрен проскочит эту мину.

ГОРДО ШЕСТВУЮТ, ЗАМЕНИВШИ

Гордо шествуют творяне, заменивши Д на Т
В.Хлебников

Гордо шествуют титаны, заменивши Р на Т.
Гордо шествуют тараны, заменивши И на А.
Гордо шествуют коньяки, заменивши МА на КО.
Гордо шествуют вояки, заменивши Б на В.
Гордо шествуют караты, заменивши ПИ на КА.
Гордо шествуют корнеты, заменивши ЛА на О.
Гордо шествуют титаны, заменивши Г на Т.
Гордо шествуют кафтаны, заменивши Ш на Ф.
Гордо шествуют Е-мейлы, заменивши ЛИ на ЙЛЫ.
Гордо шествуют газели, заменивши ТЫ на ЛИ.
Гордо шествуют бароны, заменивши А на О.
Гордо шествуют бароны, заменивши Т на Р.
Гордо шествуют бананы, заменивши Р на Н.
Гордо шествуют муссоны, заменивши АС на УСС.
Гордо шествуют эстеты, заменивши ПАШ на ЭСТ.
Гордо шествуют гобсеки, заменивши ЕН на ОБ.
Гордо шествуют пигмеи, заменивши ЕВР на ПИГМ.
Гордо шествуют ленивцы, заменивши ИН на ИВ.
Гордо шествуют юристы, заменивши ПУ на Ю.
Гордо шествуют поэты — ничего не заменив!

ПОХМЕЛЬНОЕ

— Б.П.

улюлю...

с улиц

га

вью-

Пусть

рюриксон де радзивилл пах холестеринами
тостом остр и скор строкой мы не так ли ква-
каем лилипута раздавил куинбус флестри-
новый пересоленный топор перевесил
в вакуум в кои веки разлепив зазудел
предплечием водки хряпнул под
сурок подсуропил в тютельку
телепал от вин и пив сгла-
зил гуттаперчево пле-
тью обух поперёк по-
перхнулся путин-
кой экивоки ян-
варя пьяное
исподнее
снулых
ул-
иц
ул-
яля
улетело
утлое куки-наки
имярек синюю рапсо-
дию псом скулил в кули-
су дня для утробы утренник

СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ПРОМИСКУИТЕТ

Всё крутить бы любви колесо нам —
подекадно, как Декамерон.
Но настырней мента — Мендельсона
моногамного гимна минор.
Люди к людям клинически люты.
Миллионы им мнутся вдали.
Навалите валету валюты —
он, как пешка, шмыгнёт в короли.
Нам же вдали, что всё по спирали,
чьи витки правят сущего текст.
Новый цикл, и сыграть не пора ли
в старый добрый промискуитет!
Эти игры, как тигры, сугубы.
Рыку — рык, кувырок в буерак...
Да чтоб каждому с каждою — любо.
Если кто вне игры, то — дурак.
Знай — люби да любидом орудуй
в этой злой многополой войне,
складным залпом любовных орудий
любоваться чтоб было и мне.
Чтобы лóжились губы на губы,
в поле битв полюбить полетим.
где *любые* близки нами любы.
Ведь «любой» это тот, кто — любим!

* * *

Шесть долгих лет я не вкушал еду.
А ведь когда-то кушал ежедневно.
Однажды предложили мне поесть.
Я испугался, что отвыкли зубы
от пищи и — не в силах раскусить
окажутся... Позор! О, что мне делать
тогда!.. И я, предлогом благовидным
отговорюсь, поспешно удалился.
Потом жалел. Скрипел и скрежетал.
Но было поздно: сладкое доели.
И я переминаюсь у дверей
тяжёлых дорогого ресторана
и запаха ловлю, и воспаряю
в мечтах голодных. Мальчик у Христа
не ёлке, как сказал бы Достоевский.
Но святочный финал не для меня.

* * *

Отвергаю и праздность, и лень.
Энергичности — выкрикну: «Да!»
Критикует автобус троллейбус:
— Лезет рогом не в свой провода!
Виновато опущены фары
и тавотом зашмыгал мотор.
Пригорюнясь, вожатая Валя
перестала рулить на простор.

*

Луч — золотая игла на углу. Из угла
углеглазая мгла за углами легла.
И из лона назло за излом уползло
узловатым козлом узколобое зло.

*

Цаца Тата чатится.
Тате кстати танцы-то.
То-то Тата тащится
от цитаты Тацита!

ШПИОН

В чёрной кипе, с крестом архиерейским,
с талисманом от сглаза в руках
прибыл в Серпухов чартерным рейсом
и скелетом устроился в шкаф.

*

Я с детства не любил овал лица.
Параболы грудей мне нравят-ца!

*

Съеден сном объект объятий:
вон объедки на кровати.

*

За обеденным столом
в меру сладок и солён.
А за письменным столом
получается *облом*.

*

Букву за буквой кручу на диване...
Мне не угнаться за Авалиани...

*

Несмотря на мою низкорослость и карикатурность
и что толст я и лыс и двух строчек связать не могу,
я, представьте, пою и на цыпочках, как на котурнах,
бессловесную высь раздражаю слюнявым гу-гу.

*

Дурная даёт голова или нет? —
меня вопрошал один лысый брюнет.
Даёт, но — угля, — отвечает шатен,
такой же плешивый, похож на колен.

*

Чёрту была бы та кара годна —
Чердынь, Елабуга, Караганда.

ПРОКОНСТРУКТИВИСТСКИЕ СТИХИ

Ругательство трое писали на двери.
Двоих исключили за вред его.
А третий — остался. И значит — неверен
закон исключённого третьего!

*

Полили ли лилии, пилили ли липы,
пуляли ль по линии палеолита,
по пеплу ли плакали, плова ль алкали —
поплыли на плюс, а на полюс попали...

*

Укусил шелкопряд шелкопрядку
за ея уязвимую пятку.
Хулиганил напрасно ты, парень,
вот теперь и остался непарен.

*

Сказал ей Вовка,
пылая жарко
в экстазе *брейка*:
коса литовка,
пила болгарка,
жена еврейка...

ОСТАТОК ОТПУСКА

*(произведение с пониженным
содержанием смысла)*

От куска отпуска
пот с виска. Стоп, тоска!
Тот пускай — в топку скал,
кто с куста ток пускал!

*

Ах, стихи мои, стихи!
Хороши вы иль плохи?
Вы, должно быть, хороши —
потому что от души!

ВОСПОМИНАНИЕ-86

В тишине испуганного мира
на Таганской площади пустой —
чёрный куб, достойный Казимира,
с надписью короткою: *ЗАСТОЙ*.
Осень, как полезная касторка
(Пушкин о такой мечтал поре),
и — на красном — белым: *ПЕРЕСТРОЙКА*
по *ЗАСТОЮ* бьющем топоре.

* * *

Голсуорси был Иван,
и Тургенев тоже Джон.
Хоть они из разных стран,
каждый был из них прожжён
в негасимом мастерстве
и в сюжетах мастаки,
хоть в Лондоне, хоть в Москве –
первой классики руки.
В продолженье лет и зим
мы за это помним их.
И читаем их, и чтим,
и даже посвящаем стих.

* * *

Не разума же и не мудрости ждать,
не мысли глубокой же — не-а! —
посредством *софизмов* и ласки в кровать
кладёт человек человека.

И розовым цветом цветёт мумиё,
и гимном гремит канонада.

О чём ты клопочешь, либидо моё?
Чего тебе, собственно, надо?

* * *

Полковнику никто не пишет — Г.Г.Маркес

Нагляжусь из окна на луны невалютный лимон
и — на волю: скрепя аппетит, посетить общепит.
Я — банкрот. Все мои сбереженья потратила моль —
нафталином колотья, колёса клоповника пить.
Извините, Полковник, я шлю Вам письмо за письмом,
настоящий, но старший и старый, как хрен, лейтенант.
И не тянет запас из кармана на жизненный склон
ни копья, только пью невалютной луны лимонад.

БУБНЫ И ДРУГИЕ МАСТИ ЛУНЫ

Окольцована Вселенная-птица — кем?
Небо — ночи чучело ли, луг ли Луны?
И Луна — не колобка ли литой манекен?..
Цопнуто кольцо-то! — Нибелунгами ли?
Бурные валькирии, трилистники *треф*,
мастеру Вальпургию бубнили хор.
Червлёными пиками в лунный серп
Целили, метафоры метали с гор.
Эллипсы-параболы, скринсейверы-псы,
сторожите жителей — пасынков лун,
когда масти лунной на выпасы
шествует животных седой табун.
Бубном потрясающий, *пикой* востр,
карлик где-то канул в конце Луны.
Средь *трефовых* клеверов или роз
спят сухими *червами* — валуны.

ВОДА

...и не друг, и не враг, а — так...

В.С. Высоцкий

Кто одобрит — знахарь? врач?
Дрянь — душа и мерзость — плоть.
Я ни хладен, ни горяч,
как сказал один... господь.
«Климакс клёв, да климат клят! —
пошло пукал пипл толп, —
Брут не Брут и брат не брат.
И ни чёрн, ни бел...»

Но — **ТЁПЛ!**

Хине, мёду — не *кунак*:
горечь, сладость — ерунда.
Я — не пиво, не коньяк.
Я — вода, вода, вода!

ПУТИ-РАЗМЕРЫ

Сменил *анapest* Петербурга
на лёгкий питерский *хорей*,
и на пеон под *третьим* номером,
к примеру, Комарово.
На *ямб* Москвы, на Серпухова дактиль.
А вот *второй* пеон — Иваново...
И *амфибрахий* захолустного Урюпинска...
Березники — *пеон четвёртый*...
И первый, наконец, нагнал у Кемерово.
А там, через совсем далёкие *верлибры*
Ерофея Павловича,
глядишь, и снова на *анapest* перешёл.
Но — Колымы...

* * *

Душой я не то что молод, а просто зелен.
Ей всё бы крутить любовь по чужим постелям.
Ей всё б от мужей хорониться виновной мышью,
лелея во рту цветные четверостишья.
Ей трижды плевать на расчёты, долги и *башли*.
Добыть бы слоновой кости, составить башню —
крутые ступени, в окне витражи, на флагштоке знамя...
Но с телом-то делать — что? С животом?.. С зубами?..

РАКУРСЫ

Есть ракурсы, где, мордой *не казист*, я всё ж смотрюсь.
И пусть не шибко *кряжистый*
и даже толст (местами),
не столь настырен, как хотёлось бы — так это ж плюс!..
Но уж и минусов не столь,
чтоб вы читать не стали.
Не Цицерон, не Демосфен,
не Пушкин, не де Голль,
я не устраиваю сцен,
не топочу ногами.
Пусть шевелюры на ветру
не шевелится *смоль*,
пускай в транскрипции навру
и не исполню гаммы —
всё это внешне. Не беда,
что в прозе я не Пруст,
и то, что прост, как мячик, *й* —
в поэзии не Бродский³.
Но я — надёжен, как скала.
Немного грузен? — Пусть!
А скажете, что корифей⁴ —
я засмеюсь: «Да бросьте!»

³ вариант: *неброский*

⁴ вариант: *графоман*

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕЛА.....	3
«Забудь каток и колесо, историю и шар...».....	4
ПАУК И МУХА.....	5
ЭТЮД.....	6
СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ.....	7
ПАРАД ПЛАНЕТ.....	8
«Сегодня Коля был без Светы...».....	9
«Как времена летят? — Как птицы...».....	10
«Так. ХХI столетье...».....	11
ОКТЯБРИ.....	13
КАЛЕНДАРЬ.....	14
КОНДОПОГА.....	15
ВЕК — МНОГОЯК.....	17
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ.....	18
ПЕРЕСМЕНОК ВРЕМЁН.....	19
«Я вхож в один кружок...».....	20
ВЕРБАЛЬНОЕ БОЛЕРО.....	21
ИЗ БУДУЩЕГО.....	22
ШТУКИ.....	25
ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ.....	26
УРОКИ МУЗЫ.....	27
КУНШТЮК.....	28
ЗАВИСТНИК.....	29
КУРТУАЗНОЕ.....	30
ПЛАНКА.....	31
КОГДА-ТО.....	32
МАЯ ГОДА.....	33
СВОБОДА ТЕПЕРЬ.....	34
«Тропинкой, похожей на прочие...».....	36
ЭСКАЛАТОР ВОСПОМИНАНИЙ.....	37
РЕЧКА СХОДНЯ.....	41
БЫТЬ ДОЛГОРУКИМ.....	42
Я.....	43

«Ни вздоха, о друг мой, ни вздора...».....	44
МЫСЛИ ПЕРЕД СНОМ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ.....	45
ЗВЕРУШКА-66.....	46
Чайник.....	47
ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ.....	48
«Дорога прямая, и солнце блестит...».....	49
СКАЗКА.....	50
ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ.....	51
«Кумиру строю капище...».....	52
«Я хочу повеситься...».....	53
«Щель пещеры в шалом шелесте...».....	54
«Я везу, как в звон закован...».....	55
«Не то чтобы я раньше всё умел...».....	56
ГОРДО ШЕСТВУЮТ, ЗАМЕНИВШИ.....	57
ПОХМЕЛЬНОЕ.....	58
«Стихосложение — фигня...».....	59
СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ПРОМИСКУИТЕТ.....	60
«Шесть долгих лет я не вкушал еду...».....	61
«Отвергаю и праздность, и леность...».....	62
«Луч — золотая игла на углу...».....	63
«Цаца Тата чатится...».....	63
ШПИОН.....	63
«Я с детства не любил овал лица...».....	63
«Съеден сном объект объятий...».....	63
«За обеденным столом...».....	63
«Букву за буквой кручу на диване...».....	63
«Несмотря на мою низкорослость...».....	64
«Дурная даёт голова или нет?...».....	64
«Чёрту была бы та кара годна...».....	64
ПРОКОНСТРУКТИВИСТСКИЕ СТИХИ.....	64
«Полили ли лилии, пилили ли липы...».....	64
«Укусил шелкопряд шелкопрядку...».....	64
«Сказал ей Вовка...».....	65
ОСТАТОК ОТПУСКА.....	65

«Ах, стихи мои, стихи!..».....	65
ВОСПОМИНАНИЕ-86.....	65
«Голсуорси был Иван...».....	66
«Не разума же и не мудрости ждать...».....	67
«Нагляжусь из окна...».....	68
БУБНЫ И ДРУГИЕ МАСТИ ЛУНЫ.....	69
ВОДА.....	70
ПУТИ-РАЗМЕРЫ.....	71
«Душой я не то что молод...».....	72
РАКУРСЫ.....	73

некоммерческая ознакомительная
литературно-художественная
книжная серия

Воловик

Александр Иосифович
(Москва)

КОНТАМИНАЦИЯ ЛИТЕР

Стихи

Текст публикуется в авторской редакции

Компьютерная вёрстка: Нина Огнева

фото – Юрия Проскуракова